

ЭТАПЫ РЕЦЕПЦИИ ИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

Таркан Илья Игоревич
кафедра социально-гуманитарных дисциплин
исторического факультета Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка
г. Минск, Республика Беларусь

В условиях современного поликультурного мира со всей остротой встает проблема содержательного взаимодействия различных культурных традиций, в том числе культурных традиций Востока и Запада. Актуальность этой проблемы связана с тем обстоятельством, что массовизация взаимодействия нередко приводит к тому, что глубинное содержание той или иной традиции выпадает из контекста взаимодействия, и обмен осуществляется на уровне их поверхностных проявлений.

Переход от стихийного к целенаправленному диалогу культур М. М. Бахтин связывал с постоянной рефлексией реципиента над своим восприятием другой культуры. Такую позицию самоотчётности в отношении собственной рецепции инокультурных форм и смыслов М. М. Бахтин называл вненаходимостью и характеризовал её как важнейший принцип формирования и содержательного обогащения поликультурного пространства [3, с. 98].

Среди восточных традиций, чьи элементы активно интегрируются в современную культуру Западных стран, включая Беларуси, заслуживает внимания в том числе индийская. Исследователи отмечают, что в отличие от других культурных традиций (например, арабо-мусульманской), индийская обладает высокой степенью адаптивности и неконфликтности по отношению к ценностям западного общества [5, с. 267].

В свете этого представляет интерес реконструкция восприятия индийской культуры в отечественной индологии.

Следует отметить, что становление и развитие отечественной индологии происходило под влиянием западноевропейской санскритологии, сложившейся в первой половине XIX в. К этому времени в западной индологии выделилось несколько направлений: просветительское, утилитаристское и романтическое [1, с. 17].

Просветители провозглашали рациональность как безусловную ценность и свободу как главную цель, достигаемую через образование. Центром данного направления было Азиатское общество Бенгалии. Члены Азиатского общества представляли собой небольшой кружок просвещённых чиновников Ост-Индской компании, которые были убеждены, что для управления Индией необходимо глубоко знать её культуру и руководствоваться местными законами и обычаями. Поэтому они уделяли много времени изучению индийских языков и переводам литературы, составляли «кодексы индусского права» на основе санскритских источников [16, р. 66–67]. Наибольшую известность среди членов Азиатского общества приобрёл Уильям Джонс, который установил сходство санскрита с греческим и латинским языком, ввёл понятие «индоевропейского языка», сформулировал концепцию индоевропейской цивилизации [14, р. 4458].

Утилитаристы по своим взглядам были близки просветителям, но главное для них – принцип полезности. Поскольку с позиции утилитаристов уровень цивилизации определяется тем, в какой мере она рациональна и придаёт должное значение свободе индивидуальности, ни о каких достижениях отсталых азиатов не могло быть речи. Отсюда вытекало, что Индия нуждается не в изучении, а в сильной власти и распространении на её территории европейского образования. В этом духе была написана «История Британской Индии» Джеймса Милля [15].

Романтики проявляли интерес к другим культурам, к познанию иного, изучению национальных особенностей. Признавали, что каждая культура имеет свою систему ценностей. Особое внимание романтики уделяли истории, эстетизировали древность и пытались найти в прошлом общие корни человеческой цивилизации. Поэтому гипотеза о существовавшей некогда индоарийской цивилизации, сформулированная У. Джонсом, стала исключительно популярной в романтической среде, которую представляли такие немецкие мыслители, как Фридрих Шлегель, Вильгельм Гумбольдт, Иоганн Готфрид Гердер и др.

Под влиянием европейской индоевропеистики начинает развиваться санскритология и в России. Одним из первых исследователей, сделавших значительный вклад в становление русской школы индологии, был выходец из Беларуси Каэтан Андреевич Коссович. К изучению санскрита его подтолкнули славянофилы, воодушевлённые идеей исторического родства санскрита и славянских языков. В частности, А. С. Хомяков настолько был увлечён поисками древнеиндийских слов, сходных со славянскими, что утверждал, будто из всех существующих европейских языков нет ни одного, который был так близок санскриту, как русский [13, с. 335]. Памятником такого же рода энтузиазма является подготовленный К. А. Коссовичем «Санскрито-русский словарь». Автор словаря сопровождал все санскритские слова русскими буквами и расположил их в порядке русского алфавита, чтобы облегчить пользование им для лиц, «не знающих Санскритского языка» [9, с. VIII]. Когда в Петербургском университете был образован факультет восточных языков, К. А. Коссович занял кафедру санскрита. Ввиду того, что К. А. Коссович не был профессиональным учёным, его преподавание не отличалось научной глубиной и систематичностью. Однако он выступил активным популяризатором санскрита и способствовал формированию индологии как научной специальности в России [8, с. 203].

Индоевропейская гипотеза дала мощный импульс для развития индологии и всего востоковедения. Фактически во всех университетах Европы были созданы кафедры санскрита. Основаны первые востоковедческие организации. Накоплены литературные памятники и сделаны многочисленные переводы санскритских текстов. Сформированы методы сравнительного языкознания. Индоевропеистика сформировала подходы и методы научного исследования не только для изучения наследия индийской культуры, но и других азиатских обществ.

В конце XIX – первой половине XX в. индология освобождается от индоевропеистики и превращается в комплекс специальных дисциплин. В центре внимания по-прежнему остаются санскритские тексты, но их анализ осуществляется в контексте реальной индийской, а не гипотетической индоевропейской (индоарийской, индогерманской) культуры. В это время на первое место выходят темы, которые ранее считались периферийными: роль буддизма в индийской истории, политическая история Индии, влияние неарийского (дравидского) субстрата на культуру Индии.

Ещё одним важным направлением становится исследование истории социально-экономических отношений в индийском обществе. Данной проблематикой занимались преимущественно советские индологи и их зарубежные коллеги, которые придерживались марксистских взглядов на историю. Принимая тезис о том, что подлинная история лежит в развитии экономики, индологи-марксисты отрицали идею о специфике индийского духа, призывали выявлять общие закономерности, применимые к любому азиатскому обществу. Основные вопросы были направлены на выяснение особенностей индийского рабовладельчества и феодализма, периодически на протяжении нескольких лет шли дискуссии об азиатском способе производства [2, с. 35–36].

Значительный вклад в развитие советской индологии сделал выходец из Беларуси – Владимир Васильевич Балабушевич, руководивший в 50-60-е гг.

Отделом Индии Института востоковедения АН СССР. Один из ведущих современных российских индологов – Леонид Борисович Алаев – отзывается о В. В. Балабушевиче как о талантливом организаторе науки: «Создание этого коллектива (*авт.* – Отдела Индии) и поддержание в нём здоровой рабочей атмосферы – заслуга В. В. Балабушевича. Четырёхтомная “История Индии” была создана по его инициативе и при его постоянном участии» [1, с. 193]. Л. Б. Алаев продолжает: «Сочетание благоприятной конъюнктуры (хрущёвская «Оттепель» и резкое расширение Института) с исключительными «менеджерскими» (как мы сказали бы сейчас) и человеческими качествами Владимира Васильевича привели к тому, что время его руководства Отделом Индии стало золотым веком отечественной индологии. Сотрудники Отдела играли ведущую роль во всех дискуссиях, которые в то время проходили в востоковедении...» [1, с. 193–194].

В 90-е гг. XX в. на постсоветском пространстве, включая и Беларусь широкое распространение получили неоиндуистские учения (кришнаизм, рерихианство, раджнишизм и др.). В этой связи появляется ряд работ, посвящённых новым религиозным движениям, в том числе и неоориентальным. Особый интерес представляет отдельное издание «Неокульты: “новые религии” века?» [10]. В сборник включены статьи известных белорусских ученых и молодых авторов: Е. С. Прокошина, И. Ф. Рекуц, О. В. Дьяченко, Е. К. Агеенкова. В это время выходят отдельные работы, авторы которых затрагивают неоиндуистские движения в Беларуси: А. В. Верещагина, Л. Е. Земляков [4; 7]. Среди них выделяются работы А. В. Гурко, представляющие собой этнографическое исследование общества сознания Кришны [6]. Автор подробным образом раскрывает особенности повседневной жизни членов этого движения.

В современной белорусской индологии важное место занимает Олег Валерьевич Перзашкевич, сотрудник кафедры Древнего мира и Средних веков

исторического факультета БГУ. В центре внимания его диссертационного исследования («Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества») и последующих работ – роль и место жречества, его функции и положение в древнеиндийском обществе [11]. В качестве предмета исследования для О. В. Перзашкевича выступают ригведийские (ранневедические) тексты. На их основе автор реконструировал ригведийские институты и раскрыл их историческое значение. Исходя из текстов, автор пришёл к выводу о существовании ригведийского общества. Выдвинул предположение о существовании в ригведийском обществе жреческого государства. О. В. Перзашкевич последовательно критикует концепцию арийского вторжения, доказывая автохтонность местного населения эпохи Ригведы [12].

Таким образом, осуществлённая выше теоретическая реконструкция позволяет выявить следующие этапы в развитии индологической мысли Беларуси.

1. На первом этапе (с XIX в.) происходит становление академического освоения текстового наследия Индии. Отечественные исследователи подчёркивают генетическое родство санскрита и славянских языков. В целом, представления о санскрите как основе индоевропейских языков были общими для западной индологии того времени.

2. Второй этап (вторая половина XX в.) ознаменован академическим интересом, направленным на выявление общих закономерностей развития стран Азии. В этой связи научные исследования фокусируются на социально-экономических процессах Индии.

3. Третий этап (с конца XX в.) связан с научным анализом распространения форм и практик индийской традиции в Беларуси. Исследования этого периода посвящены решению проблем межкультурного

диалога, связанных с поверхностной трактовкой восточных культурных смыслов в контексте культуры Беларуси.

Список использованных источников:

1. Алаев, Л. Б. Историография истории Индии / Л. Б. Алаев. – М. : Институт востоковедения РАН, 2013. – 472 с.
2. Алаев, Л. Б. Советская школа индологии. Исторические исследования (1917–1991) / Л. Б. Алаев // Россия–Индия : перспективы регионального сотрудничества (Липецкая область). – М., 2000. – С. 25–41.
3. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. – Т. 1. Философская эстетика 1920-х гг. – С. 69–263.
4. Верещагина, А. В. Конфессии: развитие в многообразии / А. В. Верещагина // Беларуская думка. – 1996. – №8. – С. 54–59.
5. Горохов, С. А. Роль индуизма в общественно-политической жизни Индии / С. А. Горохов // Преподаватель XXI век. – 2011. – № 2. – С. 266–272.
6. Гурко, А. В. Вайшнавизм и его особенности в Беларуси: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07 / А. В. Гурко ; АН Беларуси, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора. – Минск, 1993. – 27 с.
7. Земляков, Л. Е. Государство и религия: новые отношения / Л. Е. Земляков // Беларуская думка. – 1997. – №12. – С. 21–28.
8. Историография истории Древнего Востока : в 2 т. / под ред. В. И. Кузицина. – Т. 2. – М. : Высшая школа, 2009. – 416 с.
9. Коссович, К. А. Санскрито-русский словарь / К. А. Коссович. – М. : АБВ, 2017. – 360 с.
10. Неокульты: «новые религии» века? / Е. С. Прокошина [и др.] ; под ред. А. С. Майхровича. – 3-е изд., доп. – Мн. : Четыре четверти, 2000. – 240 с.

11. Перзашкевич, О. В. Варна брахманов в социальной структуре ригведийского общества : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / О. В. Перзашкевич. – Минск, 1999. – 142 л.
12. Перзашкевич, О. В. Ригведийское жречество / О. В. Перзашкевич. – Мн. : БГУ, 2014. – 327 с.
13. Хомяков, А. С. Сочинения в двух томах. Работы по историософии / С. А. Хомяков. – М. : Медиум, 1994. – Том 1.
14. Littleton, C. S. Indo-European Religions : History of Study / C. S. Littleton // Encyclopedia of Religion : 14 vol. / ed. in chief L. Jones. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 7. – P. 4457–4466.
15. Mill, J. History of British India : in 10 Volumes / J. Mill, H. H. Wilson. – London : Madden, 1858. – Volume 1.
16. SarDesai, D. R. Asiatic Societies of Bengal and Bombay / D. R. SarDesai // Encyclopedia of India : 4 vol. / ed. in chief S. Wolpert. – Farmington Hills, 2005. – Vol. 1. – P. 65–68.